

ПРАВОСЛАВНЫЕ КАЗАКИ В СИБИРСКОЙ ЛЕГЕНДЕ «СВЯТОЙ НИКОЛАЙ И КАСЬЯН НЕМИЛОСТИВЫЙ»

В.Н. Евсеев, Г.С. Зайцев

ИГИ ТюмГУ, г. Тюмень

В сибирском фольклоре, особенно в казачьем, освоение Сибири – одна из главных тем. Самосознание россиян издревле строилось на любви к Отечеству, на уважении к традициям общественным и семейным, а они транслируются из поколения в поколение в фольклоре, выразившем национальные ценности. Значимую роль в воспитании россиянина выполняет и фольклор казачества – субэтноса, целью которого (так сложилось исторически) было служение Отечеству, охрана границ, поддержание порядка на закрепленных за казаками территориях.

В судьбе казаков немало славных страниц служения родной отчизне, и одна из страниц – сибирская. История присоединения Сибири к Российскому государству начинается с деяний казаков, отправной точкой и центром событий становится Зауралье. С основания Обского городка начинается история службы казаков в Сибири. «История сибирского казачества начинается с конца лета 1585 г., когда посланный на помощь Ермаку отряд «государевых служилых людей» остался на зимовку в устье реки Иртыш и поставил там «городок», названный впоследствии Обским. В 1586 г. в Сибирь вновь пришли оставшиеся в живых «ермаковы казаки» и вместе с отрядом Василия Сукина и Ивана Мясного «срубили острог» Тюмень на месте прежней Чимги-Туры. Ядро казачества составляли «государевы служилые люди» и переведенные из тяглого населения крестьяне и посадские. В 1587 г. при участии казаков был основан Тобольск, который с 1590 г. стал главным городом Сибири». После «Ермакова взятия» Сибири продолжилось движение казаков на восток, в результате огромные территории были присоединены к Российскому государству. «Просуществовавший 70 лет возле Полярного круга торгово-казачий городок Мангазея стал отправной точкой продвижения казаков на восток от реки Енисей. В течение XVII в. экспедиции тобольских, березовских, мангазейских казаков под командованием Черкаса Рукина, Андрея Рукина, Самсона Навацкого, Воина Шахова, Ивана Реброва основали Енисейский, Красноярский, Якутский, Илимский остроги, открыли «Юкагирскую землю» и дошли до Тихого океана» [1].

О деятельности казаков в Сибири и повествуется в казачьей легенде «Святой Николай и Касьян Немилостивый». Легенду собиратель фольклора Б.А. Алмазов слышал в Сибирском казачьем войске, текст опубликован в сборнике «Казачьи сказки» [2]. Легенда рассказывает о том, как святые Николай и Касьян отправились в светлых ризах на восток к Христу. «Приказал Христос Святому Николаю и Святому Касьяну прийти к Нему в Царствие Небесное. Вот надели они самые лучшие ризы и пошли по облакам на восток, встречу солнцу» (155). Шествуя по облакам, святые увидели внизу, на земле, завязший казачий обоз, направляющийся также на восток. Святой Николай помогает казакам, Касьян же отказывается, за что и получает от Господа прозвание Немилостивый. Текст легенды Б.А. Алмазов, охвативший в своих публикациях широкую географию казачьих сказок, собравший и обработавший их, считает сказкой. И хотя в дальнейшем он зачислил произведение в разряд «православных сказок», мы констатируем, что «Святой Николай и Касьян Немилостивый» в жанровом отношении скорее *казачья христианская легенда апокрифического типа*. Произведение не сказочного, а религиозного содержания: его сюжет охватывается христианскими идеями милосердия, альтруистической помощи ближнему. В произведении нет сказочного хронотопа (сказочное двоемирие, когда герои отправляются в иной мир, «за тридевять земель»), сказочных чудес и помощников. Да, святой Николай спускается с облаков, но он, помогая казакам вытащить телеги и пушки из болотной грязи, действует по-земному, как и сами казаки; говоря языком текста, важна его «пара рук»: «Казаки из сил выбились, каждая пара рук на счету», «Схватился Святой Николай за доску, что была к лафету привязана, хорошая доска, ду-

бывая. Хотел под колесо положить» (156). Религиозная картина мира исключает двоемирие, для православного человека мир видимый и невидимый не разделены, это цельный и единый мир (континуум) под эгидой высших сил. В христианско-легендарном народном сюжете чудесное воспринимается как возможное в действительности – для верующего человека. Сказка же, особенно волшебная (чудесное в ней – сюжетообразующее начало), не скрывает, что в ней воспроизводится вымышленный мир – мир воображения и мечты, противопоставленной действительности. В фольклорной легенде чудесное воспринимается как достоверность, это определяет структуру, систему образов, поэтику произведения. В мире религиозно-дидактических легенд людские отношения, судьба отдельного человека испытываются высшими силами, результат испытания мотивирует христианское наказание или вознаграждение; в тексте легенды находим ключевую формулу христианской оценки поступков: «По вере вам Господь и воздаст». В казачьей легенде схема перевернута: за немилосердие наказывается святой Касьян: он не оказал помощи труженикам-казакам в их богоугодном деле. Конфликт в легенде носит не сказочный, а морально-христианский характер, так как развитие сюжета построено на оппозиции *милосердие* – *немилосердие* (нравственное – безнравственное).

Духовно-нравственные начала формируются в душе человека с детской поры, однако их развитие происходит только тогда, когда в обществе, социальной группе, в семье и государстве существует нечто *священное*. Именно об этом и идет речь в легенде о святых и казаках: православные ценности вплетены в содержательную канву легенды «Святой Николай и Касьян Немилостивый». Жанровая картина оказывается самобытной – казачьей. Хронотоп (пространственно-временной образ мира) легенды – *хронотоп казачьего служилого бытия*. Он разворачивается в произведении и с точки зрения сакрального бытия (в нем доминируют высшие, священные ценности), и с точки зрения земного бытия, ибо мы найдем в этой легенде ответ на вопрос, как казаки воспринимают свою роль в истории государства.

Легенда «Святой Николай и Касьян Немилостивый» отражает этапы продвижения казаков в Сибирь, на восток. На восток идут не только святые Николай и Касьян (к Христу в Царствие Небесное), но и обоз с людьми – казаками и их семьями. По православному учению на востоке, где восходит солнце, находится Иисус Христос. Царствие Небесное (Царство Божие), рай в сознании верующих ориентированы на восточную сторону: они (как духовная сущность) находятся на небе и в восточном направлении по отношению к земле; в Писании, в церковных сочинениях Иисус Христос именуется Солнцем Правды, Востоком, где-то на востоке возник библейский рай: «И насадил Бог рай в Едеме на востоке» (Быт. 2, 8). С востока ожидается второе Его пришествие, поэтому православные молятся на восток, на восток лицом хоронят своих родных, на восток смотрят алтари православных храмов. На восток же в легенде «Святой Николай и Касьян Немилостивый» устремился и российский народ, присоединяя в свои владения новые, дальневосточные земли. Следовательно, огромное сибирское пространство сакрализуется – освящается присутствием православного Бога. Оно также наполняется человеческими действиями и деяниями святых, повседневным и тяжким трудом казаков: сибирская территория перестает быть просто «территорией», а переводится в сюжете легенды в сферу духовной культуры. Мы не услышим в легенде ни грома пушек, ни ружейной пальбы, потому что вопрос стоит так: а какие духовно-нравственные ценности принесут с собой казаки на новые земли? Или это будут только пушки, которые они везут с собою? Сюжет выстроен таким образом, что *базовые ценности как бы «испытываются», проверяются в пути на восток*. Что несет в своей душе казак – веру, трудолюбие, взаимопомощь, или он лишь «человек с ружьем», который не только охраняет, но и может принести с собой насилие?

Сюжет построен на оппозициях (противопоставлениях), но не произвольных, а соответствующих народным и православным традициям, народному календарю. Святой Николай, увидев утонувший в болоте казачий обоз, предлагает Касьяну спуститься и помочь людям (Касьян неохотно соглашается). Мы узнаем, что казаки идут из разных мест – с Днепра, Дона, Терека, Волги и Яика: «*Следуем по царскому указу на берег Тихого океана станицы ставить, границы державы охранять*» [155]. Создается собирательный образ будущего сибирского казачества. Святой Николай готов помогать казакам (и просит также о помощи Касьяна): «*Чем же помочь вам? Да помоги, отец! Помоги Христа ради!*» [156]. Ответ Касьяна «немилостив»: «*Да мы же ризы праздничные выпачкаем!*» – *Да Бог с ними, с ризами, давай христианам поможем*. – «*Нет!*» – *говорит Касьян. – Кто их сюда послал, пусть тот и помогает!*» (156). Нравственная составляющая легенды – оказывать помощь ближнему своему, не чванить-

ся одеждами и происхождением. Напротив, святой Касьян отказывается помочь казакам, ссылаясь на праздничные одежды. Ответ Касьяна символизирует его социальный статус, а не духовный, поэтому атаман восклицает «Эх, *барин!*» (156). Казаки, следовательно, воспринимают Касьяна не как равного себе, а как барина, не способного и не желающего оказывать помощь попавшим в беду. С этого эпизода и разворачивается оппозиция *милосердный* – *немилосердный*. Укажем, что у Николая Чудотворца было еще одно прозвание в православно-народной традиции – *Милосердный*, *Милостивый*: считалось, что он обладал «высшим даром любви милующей и сострадательным сердцем».

Значимым является и другой эпизод легенды: «Схватился Святой Николай за доску, что была к лафету привязана, хорошая доска, дубовая. Хотел под колесо положить. Казаки как закричат: «Отец, не трожь доску, она святая» (156). Казаки везут не только домашний скарб, пушки, но и разобранную церковь, чтобы поставить ее на новом месте в крепости: «Эта церковь дедами нашими намолена! Она нам мать и заступница» (157), и данный поступок казаков высоко оценивается святым: «Мало я на Святой Руси видел такой веры. По вере вам Господь и воздаст» (156). Действительно, на Камчатке появилась деревянная церковь, ее привезли с Дона в XVII в. Мы видим огромную веру казаков, духовную связь с предками, молившимися в родной церкви. Сама церковь – материальное воплощение святости, уважения к своему прошлому, традициям.

В заключительной части повествуется, как казаки, с Божьей помощью, двинулись к месту назначения. Святые Николай и Касьян же предстали пред Христом. Состоялся потрясающий с точки зрения исторического и морального смысла разговор между Христом и святыми:

– Где же ты, Николай, так изволился?

– Так и так, – Святитель отвечает. – Казакам-переселенцам помогал!

– А ты что же, Касьян? – Христос Касьяна спрашивает.

– Стану я одежды свои праздничные в грязи марасть! Мы ведь к Тебе шли, Господи!

– Шли-то вы точно ко мне! – говорит Христос. – Да пути выбрали разные, хотя дорога у вас была одна. Как ты мог, Касьян, казакам-воинам не помочь – они ведь тебя о помощи моим именем просили. Глянул Господь с небес, а казачий обоз уже к океану вышел, на пустынном берегу топоры стучат – дедовскую церковь поднимают. Благословил их Господь и сказал:

– Да будет вам, чада мои верные, место новой Родиной. А тебе, Николай, будет в году четыре праздника: весенний, зимний, осенний и летний! И звать тебя будут Божьим Угодником. А тебе, Касьян, один праздник в четыре года 29 февраля, и прозвание тебе будет Немилостивый. Так по слову Божию и сталося. А казаки окиян-море переплыли на лодьях, и на том берегу, на Аляске, поставили крепость и церкву свою отеческую и назвали ее крепостью Святого Николая» (157-158).

Выбор святого Николая «действующим лицом» фабулы казачьей легенды мотивирован. В православном календаре празднование святителю Николаю Архиепископу Мир Ликийскому, Чудотворцу осуществляли несколько раз в году, (22 мая, 19 декабря). На некоторых территориях числились местные Святые Николаи, поэтому могли отмечать праздник Святого Николая и четыре раза; на чем и проводится в легенде противопоставление святых Николая и Касьяна. В сознании казаков, русских Святой Николай являлся Божьим Угодником, он также считается небесным покровителем сибирских казаков, а войсковой праздник сибирского казачества справляется в *День Святого Николая-зимнего*. Поэтому сюжет легенды о казаках-сибирцах и увязан с именем и милосердием Святого Николая: в легенде черты, присущие святому, присущи и казакам.

Смысл разговора между Христом и святыми определяется мыслью о нравственном выборе жизненных дорог («пути выбрали разные, хотя дорога у вас была одна»), в контексте разговора оценивается и путь казаков в Сибирь. Они изображаются не бездушными наемниками, а тружениками-воинами, исполняющими службу естественно – по долгу и вере: для них важен смысл совершаемых ими действий, поэтому они перевозят и сакральный центр своей родины (церковь) на новое место. Казак вверял свой «живот» (жизнь) царю, атаману и Богу. Исполнение воинских обязанностей (а это и война, участие в сражениях, значит, кровопролитие) не освобождало казака от заботы о своей душе, от дум о нравственном и безнравственном. Ему следовало быть «крепким в вере», различать добро и зло в окружающем мире. С такими качествами казаки (хранимые Богом) предстают в легенде – они православные труженики-воины на службе Отечеству. Казачья служба – тяжкий труд с переездами, исполнение воинских повинностей, усердие во имя общего дела. Все это выражено в легенде точной метафорой – за-

стрывший на пути к цели в земной грязи казачий обоз, стремление казаков прибыть вовремя на новое место службы. Разговор на небесах Христа со святыми, оценка их поступков с точки зрения высшей силы – это проекция христианских ценностей (добродетелей) на земное бытие казаков. Естественному милосердию (радению о других) Святого Николая противопоставляется эгоизм Касьяна. Формируется еще одна смысловая оппозиция, она основана на предельном христианском внимании (верующего человека) к внутреннему миру, к духовному содержанию личности. С одной стороны, можно вымазаться (как казаки и Святой Николай) в земной грязи, но быть чистыми душой. С другой стороны, можно, как Касьян, заботиться о внешней чистоте (своих одежд), но утратить при этом чистоту духовную, нравственную.

«Святой Николай и Касьян Немилостивый» – легенда «апокрифического» типа. В книжной традиции на заре христианства получили широкое хождение апокрифические сочинения, нашедшие затем отклик в фольклорных произведениях. Содержание апокрифов существенно отступало от принятого в официальном вероучении христианского (церковного) канона, поэтому они отвергались церковью (понятно, что книжные апокрифы распространялись тайно). Святой не может быть немилосердным по официальному вероучению, церковь не могла канонизировать греховного человека в ранге святого. Образ Касьяна в рассматриваемой легенде не имеет никакого отношения к святому Кассиану, день памяти которого приходится на 29 февраля. В истории христианской церкви Кассиан – основатель монашества в Галлии и один из главных теоретиков монашеской жизни (родился около 360 г.). В народных же представлениях, вопреки реальной биографии, житиям о святом Кассиане создан отрицательный образ святого. Да, святой, но «немилостивый», он рисовался в народной устной традиции и поверьях с отрицательными чертами: *немилостивый, немилосердный, скупой, остудный, корыстник, завистливый, кривой* и т.п. Суть в том, что день 29 февраля занимает особенное место в народном крестьянском календаре: этот день бывает раз в четыре года, в високосном году, который считался в крестьянских суевериях годом опасным. В народной традиции существовало поверье, что 29 февраля вообще не стоит, хотя бы до обеда, выходить из дома, не стоит начинать каких-либо дел. День памяти Святого Касьяна отмечается один раз в четыре года. По народному же объяснению выходило, что Бог лишил Касьяна ежегодных именин за недоброжелательность (немилосердие) к бедным людям, а день его памяти (да еще на стыке зимы и весны) числился одним из самых плохих и «зловредных» дней народного календаря, и такая оценка распространялась на весь год. Отсюда и проистекает щедрость нелестных характеристик в адрес Касьяна – не реального святого, а созданного мифологического образа.

Является ли «Святой Николай и Касьян Немилостивый» вариантом народного легендарного сюжета? Фольклорный сюжет подтверждается наличием вариантов (однократное исполнение традиционного сюжета с небольшими отклонениями, порождаемыми устной культурой рассказчика, этногеографическими традициями и т.д.). Наличие вариантов означает, что традиционный сюжет (основной мотив, который объединяет смысл и форму подачи материала, его называют также «инвариантом») принят (создан) народом, так как он получил широкое распространение в устной передаче от поколения к поколению.

По Руси издавна ходил легендарный (несказочный) сюжет о святом Касьяне и Николае Угоднике. Для нас авторитетным будет мнение российского фольклориста, этнографа XIX в. С.В. Максимова (кстати, обследовавшего не только ряд центральных российских губерний, но и русский север, Приамурье и Дальний Восток), сведения из его книги «Нечистая, неведомая и крестная сила». В его книге о народных верованиях есть раздел о Касьяне Немилостивом. Обратив внимание на народную легенду об отступничестве Касьяна от Бога, С.В. Максимов указывает, что «не это отступничество от Бога послужило источником охлаждения православных темных людей к Касьяну, а главным образом его «немилостивое» отношение к бедному народу», в подтверждение приводит легенду, записанную в Зарайском уезде Рязанской губернии [3]. Мы уже знакомы с сутью (смыслом) легенды по тексту из сборника Б.А. Алмазова. Сюжет зарайской легенды о том, что святые, направляясь в рай, шли по дороге и встретили мужика, тащившего воз из грязи и обратившегося к ним за помощью. Касьян ответил отказом, думая о своей ризе, а Николай Угодник, засучив рукава, без лишних слов вытаскивает воз из грязи. Понятно, что один явился в рай в чистой, а другой – в грязной ризе. Бог, по прибытии святых в рай уточнивший, почему у них такие ризы, лишил Касьяна ежегодных именин за неотзывчивость к

бедным людям: «... быть Касьяну именинником раз в четыре года, а Николаю Угоднику, за его доброту, два раза в год» [4].

Какие новые элементы привнесены в легенду «Святой Николай и Касьян Немилостивый» с традиционным крестьянским сюжетом (необходимо сравнение на предмет выявления их сходства и различия – такова суть подхода к фольклору, он опирается на сопоставление вариантов). Вместо мужика-труженика с увязшим возом – казаки с обозом на необозримом пространстве Сибири; «прибавочные» элементы – казаки с семьями, пушки, разобранная церковь, их векторное движение – вплоть до Аляски; на Аляске была поставлена российская крепость Святого Николая. Другая сторона вопроса: а что привнесено составителем сборника казачьих сказок, какие он детали привнес от себя в традиционный сюжет, почему он текст «Святой Николай и Касьян Немилостивый» относит к сказочному жанру? Мы же подчеркнем, что фольклор не детализирует, он сразу – минуя индивидуализацию, конкретику – порождает образы с широким обобщением. Мы видим громадное пространство России, собирательный образ будущего сибирского казачества: казаки идут из разных мест их концентрации на территории Европейской России. В сжатом образе охвачено громадное пространство расселения российского казачества – «часовых империи» (по выражению Андрея Смирнова). В XVIII в., после открытий казаков-первопроходцев Владимира Атласова, Семена Дежнева (службу начинал рядовым казаком в Тобольске), капитана-командора Витуса Беринга, казаки переплыли пролив, соединяющий Азию и Америку. Началась история русской Америки, и она не сводима лишь к пушкам, саблям, пушнине. Русские принесли с собой и веру. В 1794 г. на Аляске появляется Российская духовная миссия. В православную веру за 2 года были обращены 12 тыс. алеутов. Россия ушла из Северной Америки, но до сих пор на Аляске существует около 80 алеутских и индейских православных общин.

В сибирской легенде традиционный крестьянский сюжет не изменился, но приобрел казачью интерпретацию. Сюжет «вписан» в историю сибирского казачества. Традиционная схема (путь святых на суд к Богу через испытание их добродетелей по дороге к Нему) наслаивается на путь казачества в Сибирь, вследствие чего описание труженического подвига казаков наполняется высшим (сакральным) смыслом: они идут на восток вместе со Святым Николаем (не Касьяном!), выполняя свои задачи, идут по направлению к Богу. Легенда позволяет посмотреть на казаков глазами самих казаков, то есть через призму их фольклора. Чем больше точек зрения на явление, тем полней его картина, в т. ч. и история службы казаков в Сибири... История же их службы может рассматриваться не только в физическом, но и в духовном измерении, как это и имеет место в легенде «Святой Николай и Касьян Немилостивый».

1. Ярков А.П. Казаки // Тюменская область: народы, языки, культура: энцикл. спр-к / Гл. ред. И.С. Карабулатова. – Тюмень: Экспресс, 2007. С. 140.
2. См.: Святой Николай и Касьян Немилостивый [текст] // Алмазов Б. Казачьи сказки. – СПб.: Пенаты, 1996. С. 155-158; далее текст легенды с указанием в круглых скобках страниц цитируется по данному изданию.
3. Максимов С.В. Нечистая, неведомая и крестная сила / Послесл. Н.В. Ушакова. – СПб.: Полисет, 1994. С. 287-288.
4. Максимов С.В. Указ. соч. С. 288.